

созерцал неразложившийся труп и казавшиеся нетронутыми одежды...

Вероятно, именно в эти годы мечта о славе государя и стала воплощаться у Себастьяна в планы вторжения на африканскую территорию. Он предался им с тем большим пылом, что другие государственные затеи не увенчались успехом. Среди многочисленных матримониальных замыслов доня Катарины был и почти слаженный договор о браке с принцессой Маргаритой Валуа, знаменитой впоследствии королевой Франции¹. Но эти планы расстроились, не без участия португальских медиков, не рекомендовавших спешить с женитьбой из-за якобы слабого здоровья короля. Спустя некоторое время, 18 августа 1572 г., в Париже отпраздновали бракосочетание Маргариты с молодым Беарнцем, наваррским королем, будущим Генрихом IV.

Историки, надо полагать, еще долго будут спорить о причинах, заставивших молодого португальского короля устремиться в бесплодные просторы Северной Африки. Объяснения кроются и в экономических затруднениях Португалии, и в политических притязаниях королевства, и в дипломатических комбинациях... К этому нужно добавить и общее настроение португальцев, пронизанное неудовлетворенностью существующим положением. Но нет сомнения в том, что личность самого доня Себастьяна и его устремления сыграли в этом огромную роль. Все изъяны воспитания, наложившиеся на причудливый склад его натуры, нелады с бабкой, доной Катариной, неудачи матримониальных планов, желание поразить мир доблестью и отвагой — все это слилось в единую мечту об африканском военном походе, мечту, осуществление которой должно было поставить Себастьяна в один ряд с самыми выдающимися государями Лузитанского королевства.

Уже в 1571 г. под влиянием успехов Луиша де Атаиде Себастьян вознамерился отправиться на подвиги в Индию, и от этого его смог отговорить лишь дядя — старый кардинал Энрике.

Цель африканского предприятия была грандиозна, хотя и неопределенна: расширить границы Португалии, основать великую империю на севере Африки, победами католического войска противодействовать успехам гугенотов и лютеран. Мысленно Себастьян из государя второй половины XVI в., которому надлежало быть проницательным и дальновидным, перевоплотился в паладина рыцарских романов.